

Е.М. Лупанова

ДИРЕКТОР НА ПЯТЬ ДНЕЙ. ПОЧЕМУ ИОГАНН БАКМЕЙСТЕР НЕ СТАЛ ВО ГЛАВЕ КУНСТКАМЕРЫ?

В мае 1771 г. скончался И.К. Тауберт, в течение долгого времени стоявший во главе Кунсткамеры и Библиотеки Петербургской академии наук. Широта интересов этого человека на ограничивалась собраниями академического музея, он также был переводчиком, историком, издателем¹. В результате следственного дела 1767 г. его полномочия по управлению Кунсткамерой и библиотекой были ограничены. Какие-либо решения он мог принимать только по согласованию с членами комиссии в составе П.С. Палласа, С.Г. Гмелина, К.Ф. Вольфа и О. Петрова. Первый отвечал за работу комиссии в целом и зоологические коллекции музея, С.Г. Гмелин — за ботаническое собрание, К.Ф. Вольф был специалистом в области анатомии, О. Петрову был поручен надзор за моделями, инструментами и этнографическими коллекциями. Тем не менее со смертью И.К. Тауберта встал вопрос о новом «надсмотрителе» академической библиотеки и Кабинета редкостей. Первым человеком, о котором вспомнили в этой связи члены комиссии Академии наук, был не один из них, узких специалистов, а унтер-библиотекарь И. Бакмейстер — человек широкой эрудиции, прекрасно образованный, владевший несколькими европейскими языками, а также арабским. Имея за плечами 12-летний опыт работы в должности унтер-библиотекаря и академического адъюнкта, он великолепно знал и книжное собрание, и музейные предметы.

В протоколе заседания от 7 мая 1771 г. записано: «Смотрение над Библиотекою и Кунсткамерою до будущего об оных нового распоряжения поручить на время адъюнкту Бакмейстеру и находящиеся в оных вещи велеть ему хранить в том же порядке, в каком они расположены по сочиненным при последней оных ревизии описям. Чего

ради здать ему на руки от оных палат ключи, так же и всем принадлежащим к ним служителям быть в послушании его Бакмейстера». Кроме факта вверения И. Бакмейстеру обширных бесценных коллекций, следует обратить внимание на то, что решение не было окончательным, в документе указывалось на временность положения, и полномочия академического асессора ограничивались следующим образом: «...минеральный, минц-кабинет оставить по-прежнему запечатанными до будущего рассуждения о них от его сиятельства Академии наук господина директора графа Владимира Григорьевича Орлова приказа, а находящиеся от оных в доме покойного статского советника Тауберта ключи взять в комиссию и хранить при оной». Вместе с тем И. Бакмейстеру предписывалось найти и представить комиссии каталоги этих двух кабинетов, а также «и все прочие к оному кабинету принадлежащие каталоги»².

И. Бакмейстер недолго возглавлял библиотеку и Кунсткамеру, хотя факт пусть даже кратковременно занятия столь высокой должности свидетельствует о большом его авторитете, доверии и уважении к нему. Один из вариантов объяснения заключается в предпочтении специализации — временное назначение не было затем закреплено, потому что музей, содержащий богатые естественно-научные коллекции, было решено передать математику (С.К. Котельникову). И. Бакмейстер, как специалист в области гуманитарных наук, остался на должности унтер-библиотекаря. Однако такое объяснение представляется не слишком убедительным. Если исходить из приоритетов естественно-научных коллекций Кунсткамеры перед библиотекой, логично было бы передать бразды правления естествоиспытателю, а не специалисту в области математики, имеющему дело с абстракцией. В тот момент достойные кандидаты работали в Кабинете редкостей, имели достаточный большой опыт и авторитет. Примером тому могут служить упомянутые члены комиссии, управлявшей Кунсткамерой и ограничивавшей полномочия И. Тауберта. Но очевидно, что опыта и авторитета было недостаточно.

Необходимо было утверждение позиций русской науки. Начало борьбы русских за свои права в Академии наук автор специального исследования этого вопроса относит к 1728 г., когда русские служащие академической типографии подали на имя императора челобитную, жалуюсь на задержку жалованья и крайнюю материальную нужду. Факт отражал утвердившуюся в Петербургской академии наук практику дискриминации русских в вопросах заработной платы.

Другие факты столкновения русских и иностранных интересов он усматривает в проекте президента Академии И.А. Корфа об учреждении «семинария для малолетних», судьбах первых русских ученых И.С. Горлицкого и В.К. Тредиаковского, учреждении Российского собрания и инциденте с московскими семинаристами, прибывшими в начале 1736 г. в Петербург для продолжения обучения. Пресловутое «немецкое засилье» в царствование Анны Иоанновны наложило свой отпечаток и на историю Академии наук³. В январе 1742 г. в Сенат было передано заявление директора академической Инструментальной палаты А.К. Нартова, в котором обращалось внимание правительства на антинациональный характер деятельности Академии, занимавшейся подготовкой иностранных и игнорировавшей подготовку отечественных, русских, ученых. Начатое по этому заявлению и нашумевшее следствие по делу о злоупотреблениях И.Д. Шумахера, возглавлявшего Кунсткамеру и Библиотеку Академии наук с 1724 г., породило активное обсуждение вопроса об ущемлении прав русских в Академии⁴. Главным предметом многочисленных споров середины XVIII в. между русскими и иностранцами была сама Академия с многочисленными рабочими местами, которые занимали иностранцы и к которым стремились русские⁵. Самый известный эпизод этой борьбы — патристические выступления М.В. Ломоносова. В свете описанных предшествующих событий в 1771 г. было чрезвычайно важно, чтобы новым «надсмотрителем» стал «природный русский».

На следующее заседание Канцелярии 12 мая 1771 г. явился президент Академии наук В.Г. Орлов и распорядился: «Смотрение над Библиотекою и всею Кунсткамерою, так как и над принадлежащими к оной минеральным и минц-кабинетом, поручить академику Котельникову с такою же властью, какую имел при оных покойный статский советник Тауберт, и вследствие того адъюнкту Бакмейстеру, так же и прочим всем находящимся при сем департаменте служителям, быть у его г. Котельникова в совершенном послушании и поступать во всем по его приказаниям»⁶. Граф В.Г. Орлов на посту директора Академии наук вообще проявил себя как человек, радевший за авторитет русской науки в противовес иностранному влиянию. Он пытался ввести практику ведения протоколов академических заседаний на латинском языке. Однако эта попытка была неудачной. Преобладающее число немецких ученых, составлявших академию, настояло на том, что латынь должна быть заменена не русским языком, а немецким.

С.К. Котельников был единомышленником М.В. Ломоносова по борьбе с немецким засильем в Академии наук. М.В. Ломоносов оказал большое влияние на формирование С.К. Котельникова как ученого, поддерживал его, рекомендовал к назначению профессором по кафедре математики Петербургской академии наук. С.К. Котельников продолжил дело своего учителя, в частности, читая курс математики в университете на русском языке. Большую аудиторию собирали его публичные лекции, также читавшиеся по-русски. Во время болезни М.В. Ломоносова он замещал его по части организационной работы в гимназии и университете. Когда И.К. Тауберт, пользуясь отсутствием М.В. Ломоносова, попытался подчинить себе учебную часть Академии, С.К. Котельников отправил в Канцелярию следующее официальное извещение: «Рапортую о состоянии университета и гимназии г. коллежского советника Михаила Васильевича Ломоносова и от него приказы принимаю. Его высокородие мне объявил, что дирекции университета и гимназии оставить не намерен»⁷. С.К. Котельников возглавлял библиотеку и Кунсткамеру до 1797 г. Его авторитет в исторической перспективе затмил авторитет И. Бакмейстера. Т.В. Станюкович пишет в своей книге о работе И. Бакмейстера «Опыт о Библиотеке и Кабинете редкостей и истории натуральной Санкт-Петербургской Императорской академии наук»: «Несомненно, что составление каталога, снабженного научными данными, могло быть выполнено лишь при участии и помощи научного руководителя музея Семена Кирилловича Котельникова»⁸. Не умаляя ни заслуг С.К. Котельникова, ни его тесного сотрудничества с И. Бакмейстером, следует восстановить историческую справедливость и признать, что И. Бакмейстер был достаточно образованным и опытным музейным сотрудником, чтобы стать автором самостоятельного оригинального труда. Что касается миц-кабинета (собрания монет и медалей), в течение 10 лет, до августа 1781 г., проводилось «освидетельствование» его коллекций. В состав комиссии по ее проведению входили, кроме С.К. Котельникова, К.Ф. Вольф, Г.В. Крафт, И. Бакмейстер. После завершения этой работы канцелярия Академии наук распорядилась «как теперь г. академик Котельников до помянутого кабинета более дела иметь уже не обязан, то для ведения комиссии истребовать от показанных трех персон известие, в каком состоянии оный кабинет ими принят и все ли в нем сохранено», а затем, укрепив замки и двери, запретить «впредь до приказания и до будущей в нем надобности»⁹.

И. Бакмейстер проработал в академической Кунсткамере и библиотеке более четверти века (с 1759 по 1788 г.), внес большой вклад в изучение и описание коллекций, составление каталогов, восстановление музея и библиотеки после пожара 1747 г., организацию экспозиции при открытии музея вновь (1766). Он курировал финансовые документы, печать билетов и этикеток, выявление и списание дуплетных экземпляров книг, приобретение новых, списание музейных предметов плохой сохранности и массу другой технической работы¹⁰. Замечательным памятником деятельности этого человека является его книга «Опыт о Библиотеке и Кабинете редкостей и истории натуральной Санкт-Петербургской Императорской академии наук» — путеводитель по музею и библиотеке, написанный как занимательное повествование, в котором чувствуется и знание коллекций, и любовь к делу, и стремление передать это чувство читателю. Книга была издана на французском, немецком и русском языках (два издания), получила широкую известность среди русских и европейских читателей, способствовала популяризации информации о собраниях первого в России музея. На протяжении многих десятилетий этот труд является важнейшим источником по истории Кунсткамеры XVIII в. «За его рачение к должности, а паче за сочинение описания библиотеки, сочинение коего у нас не доставало и которое всегда было нужно и которого не всякой мог сделать, за приложенные ими труды, тщание и искусство в распорядке к установлению натуральных вещей в Кунсткамере» И. Бакмейстер был удостоен золотой медали к 50-летию юбилею Петербургской академии наук¹¹. Это был увлеченный своим делом человек, составивший богатую частную коллекцию гравюр и эстампов; человек, объединивший вокруг себя немецко- и франкоязычное общество Петербурга¹². Тем не менее должность И. Бакмейстера после пяти майских дней 1771 г. осталась прежней. На протяжении всей последующей деятельности он оставался унтер-библиотекарем и академическим адъюнктом, как и в первые годы работы в Петербурге.

1. *Савельева Е.А.* Унтер-библиотекарь Иоганн Каспар Тауберт // Немцы в России. СПб., 2000. С. 295–308.

2. Журналы Канцелярии Академии наук. 7 мая 1771 г. (СПФ РАН. Ф. 3. Оп. 8. Д. 542. Л. 149).

3. *Турнаев В.И.* О национальной тенденции в развитии Петербургской академии наук (20–40-е годы XVIII в.): Очерки истории русско-немецких научных связей. М., 2007; *Он же.* Национальная и демократическая тенденции в развитии Петербургской академии наук: дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2006.

4. Материалы для истории Императорской Академии наук. СПб., 1889. Т. V (1742–1743). С. 378–379, 465, 580–581, 596.

5. *Турнаев В.И.* О национальной тенденции...; *Он же.* Национальная и демократическая тенденции...

6. Журналы Канцелярии Академии наук. 12 мая 1771 г. (СПФ РАН. Ф. 3. Оп. 8. Д. 542. Л. 150).

7. *Кулябко Е.С.* Замечательные питомцы Академического университета. Л., 1977. С. 110–111.

8. *Станюкович Т.В.* Кунсткамера Петербургской академии наук. М.; Л., 1953. С. 158.

9. Журналы Канцелярии Академии наук. 23 августа 1781 г. (СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 8. Д. 552. Л. 381–381 об.).

10. Копия с журнала академической комиссии. 27 июля 1777 г. (СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 8. Д. 22. Дело о покупке разных материалов и о специальном оборудовании Кунсткамеры и Библиотеки. Л. 18); Рапорт академика С.К. Котельникова о приеме в Кунсткамеру минералогического кабинета Генкеля. 15 октября 1774 г. (СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 8. Д. 21. Л. 1 об.); [О закупке бумаги и свеч по запросу Бакмейстера. 22 декабря 1769 г.] (СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 8. Д. 540. Л. 355); [О выдаче И. Бакмейстеру 50 руб. для платы вольнонаемным мастеровым] 17 декабря 1770 г. (СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 8. Д. 541. Л. 176 об.); [О выдаче по запросу Бакмейстера на исправление разных мелочных надобностей при Кунсткамере и Библиотеке] 13 февраля 1772 г. (СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 8. Д. 543. Л. 68 об.); [О выдаче И. Бакмейстеру 50 руб. на мелочные расходы по Кунсткамере и Библиотеке] 19 апреля 1773 г. (СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 8. Д. 544. Л. 148 об.); [О выдаче И. Бакмейстеру 50 руб. на мелочные расходы по Кунсткамере и Библиотеке]. 20 января 1774 г. (СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 8. Д. 545. Л. 45 об.); [О выдаче И. Бакмейстеру 50 руб. на мелочные расходы по Кунсткамере и Библиотеке]. 31 марта 1777 г. (СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 8. Д. 548. Л. 121 об.); [О выдаче И. Бакмейстеру 50 руб. на мелочные расходы по Кунсткамере и Библиотеке]. 17 августа 1778 г. (СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 8. Д. 549. Л. 240 об.); [О выдаче И. Бакмейстеру 50 руб. на мелочные расходы по Кунсткамере и Библиотеке]. 31 июля 1780 г. (СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 8. Д. 551. Л. 245 об.); О выдаче унтер-библиотекарю Бакмейстеру на дело коробочек для положения шуффов купленного Генкелева минерального кабинета 100 р. (СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 8. Д. 617. Л. 81); [О выдаче И. Бакмейстеру 30 руб. на мелочные расходы по Кунсткамере и Библиотеке]. 29 мая 1777 г. (СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 8. Д. 548. Л. 172); [О выдаче И. Бакмейстеру 25 рублей на мелочные расходы по Кунсткамере и Библиотеке]. 1 сентября 1777 г. (СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 8. Д. 548. Л. 157); Копия унтер-библиотекарю Бакмейстеру о напечатании на русском и французском языках надписей для приложении на хранящиеся в Кунсткамере вещи. 31 мая 1777 г. (СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 8. Д. 619. Л. 33 об.); О выдаче г. унтер-библиотекарю Бакмейстеру на платеж мастерам за лакирование разных постаментов и на другие расходы 50 руб. 28 сентября

1777 г. (СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 8. Д. 619. Л. 60 об.); [О выдаче И. Бакмейстеру 100 руб. на мелочные расходы по Кунсткамере и Библиотеке] 26 августа 1779 г. (СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 8. Д. 550. Л. 283 об.); О выдаче г. библиотечарю Бакмейстеру на платеж за купленные им с аукциона после покойного академика Гильденштета книги 11 руб. 40 коп. и за отделку купленной лосевой свежей кожи поз зделание из оной чучелы и на прочие расходы 50 руб. 4 апреля 1782 г. (СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 8. Д. 553. Л. 129); [О выдаче И. Бакмейстеру 10 р. на мелочные расходы по Кунсткамере и Библиотеке] 6 апреля и 6 июня 1783 г. (СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 8. Д. 554. Л. 228, 338); [Об отпуске бумаги и спирта по запросу И. Бакмейстера] 25 августа 1785 г. (СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 8. Д. 557. Л. 343 об.—344); [О выдаче бумаги] 4 сентября 1773 г. (СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 8. Д. 544. Л. 268 об.); [О выдаче бумаги] 21 января 1787 г. (СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 8. Д. 559. Л. 96 об.—97).

11. О выдаче унтер-библиотечарю Бакмейстеру золотой медали за сочинение описания Библиотеки. 16 января 1778 г. (СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 620. Л. 4 об.).

12. Реестр журналам императорской Академии наук. 23 июля 1786 г. (СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 558. Л. 325 об.).